

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(3)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.19-28

ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XII–XIII ВЕКОВ

А.К. Гладков

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, 119334, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию представлений двух выдающихся средневековых мыслителей Иоанна Солсберийского и Фомы Аквинского о законе, его видах, функциях и предназначении. Рассуждения интеллектуалов, отражающие теоретический уровень политического знания своего времени и исторический контекст, в значительной степени определили вектор развития “scientia politica” в XII–XIII вв. Каждый из мыслителей разделяет закон на Божественный, природный и человеческий (гражданский), отмечая их взаимосвязанность и отчасти взаимозависимость в рамках действия внутри социума. В христианской картине мире Иоанна и Фомы именно королю, опирающемуся на три обозначенных закона и руководствующемуся принципами справедливости, предначертано вести своих подданных к «общему благу», стоять на страже их свободы и счастья.

Ключевые слова: закон в Средние века, Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский, политическое знание (“scientia politica”)

Развитие средневековой политико-правовой мысли в XII–XIII вв. справедливо связывают с именами двух интеллектуалов, не похожих в плане мировоззрения и творческой манеры, но в чем-то оказавшихся на удивление созвучными и даже тождественными, – Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180) и Фомы Аквинского (1225–1274). Каждый из них стал во многом олицетворением целой эпохи (Ренессанса XII в. и «Золотого столетия» схоластики (XIII в.) соответственно), в которую жил и работал, и, хотя степень воздействия на умы потомков у Иоанна и Фомы не одинакова, их наследие демонстрирует устойчивый континуитет идей, составивших стержень “scientia politica” в Средние века.

Иоанн Солсберийский, внедрив многие философские позиции Стагирита в интеллектуальный контекст XII в., оказался предтечей определенной «революции» в области политической мысли. Не менее значительна роль Аквината. Фома, опиравшийся на достижения предшественников и доступный к тому времени латинский перевод «Политики» Аристотеля, также внес весомый вклад в понимание классических проблем власти, общества, соотношения индивидуального и коллективного начал.

Несмотря на различия, отражающие этап в развитии средневекового мирозерцания в целом, оба интеллектуала – каждый в своем историческом поле

рефлексии – анализировали общие проблемы, составляющие основу развития политико-правовой мысли. Речь идет о понимании Иоанном Солсберийским и Фомой Аквинским закона (“lex”), его видов, функций и значения; их толкование – важный маркер теоретического оформления “scientia politica” в XII–XIII вв.

* * *

Правление Стефана I Блуаского, связанное в исторической памяти Англии прежде всего с годами так называемой феодальной анархии, оценивалось современниками преимущественно как время беззакония (“iniuria”). Придя к власти в нарушение воли Генриха I и данной его дочери, Матильде, вассальной клятвы верности, Стефан не воспринимался английскими интеллектуалами – хронистами и церковными писателями – как легитимный король. Смута, порожденная его правлением и закончившаяся только в 1154 г. с воцарением Генриха II Плантагенета, побудила тех, кто пережил годы гражданских волнений, обратиться к переосмыслению феномена королевской власти в политико-правовом измерении. В ряду мыслителей, посвятивших изучению данной темы много времени и сил, стоит в первую очередь упомянуть Иоанна Солсберийского. В его сочинениях, и прежде всего в фундаментальном трактате «Поликратик, или о забавах света и заветах философов» (“Polycraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum”, 1159 г.), мы находим много рассуждений о том, как в Англии XII в. понимали закон, обладающий особым содержанием, внутренней иерархией, определенными функциями и даже пределами действия. Наконец, исключительную актуальность имели проблема соотношения королевской власти с правовыми механизмами, ее ограничивающими, а также тема закона как «абсолютного мерила» жизни средневекового общества.

Иоанна едва ли можно отнести к кругу профессиональных юристов, ведь специально он не занимался изучением права, не был членом суда и не участвовал в разбирательстве дел. Тем не менее опыт службы в курии архиепископов Кентерберийских Теобальда и Фома, отразившийся в его обширном эпистолярном наследии (в одном из писем даже упоминается так называемый “lex Julia repetundarum” (Lett., p. 160)), показывает, насколько основательными были знания Солсберийца в области римского и канонического права. И речь не идет о формальной стороне дела – Иоанн демонстрирует знакомство не только с “Corpus iuris civilis”, но и с трудами, например, магистра Вакария, имя которого даже упоминается на страницах «Поликратика» (Polycrat., v. II, p. 399).

В христианской картине мира Иоанна Солсберийского, как, впрочем, и большинства людей его времени, именно Бог был на вершине всего, а Его закон – “lex Dei” – регулировал, направлял и корректировал жизнь в горнем и дольном мирах [1, с. 9–16]. И он же являлся идеальным образцом для других законов – природного, более приближенного к “lex Dei” в силу своей естественности, и человеческого (гражданского). Божественный закон абсолютен (“lex absoluta”), носит всеобщий характер, ведь в своем действии он справедлив по отношению к каждому. Кроме того, именно “lex Dei” содержит в себе наряду со «справедливостью» (“iustitia”) (Polycrat., v. I, p. 237) еще и «равенство» (“aequitas”) [1, с. 9–16].

Следуя за Бл. Августином, Иоанн различает, собственно, вечный закон, идентичный Творцу, и закон временной – рожденный (или изобретенный (Policrat., v. I, p. 237)) разумом людей.

Божественный закон, как и любой другой, принуждает человека к благу, однако использует, так сказать, не столько физические, сколько моральные инструменты воздействия.

«Страх» (“timor”) в системе действия “lex Dei”, как отмечает Иоанн, является неотъемлемым элементом соотношения человеческих поступков с «абсолютным мериллом» (Policrat., v. I, p. 237); страх необходим [2, с. 182–190], поскольку предостерегает – на уровне мыслей, намерений и поступков – от совершения греха, суля потенциальному преступнику воздаяние не только при жизни, но и после смерти.

Божественный закон фактически задает форму и определяет функциональность человеческого закона, а тем более закона королевского (“lex regis”), который, как и “lex Dei”, должен в своем действии ориентироваться на справедливость, пусть не на абсолютную и не достижимую в мирской жизни, и стремиться к этому идеалу. Государь выступает одновременно и источником, и носителем, и орудием закона, который имеет в себе трансцендентный элемент. Как король – «подобие божественного величия» (Policrat., v. I, p. 236), так и, соответственно, монарший закон уподобляется Божественному.

Следовательно, размышляет Иоанн, «страх» в контексте действия “lex regis” также необходим: государю полагается бояться отступить от завета Творца, а подданным должно страшиться нарушить волю своего господина, которая, если она благая, имеет силу закона. Иными словами, функционирование общества на разных его уровнях осуществляется путем следования каждого индивида своим обязанностям и предписаниям. Кроме того, не только королю, являющемуся примером для всех, но и подданным, даже находящимся на самой нижней социальной ступени, следует проявлять «послушание» по отношению к законам – Божественному и человеческому (гражданскому).

Что касается природного закона, регулирующего взаимоотношения внутри «естественного мира», то и он определяет характер поведения и поступков людей, связанных с окружающей действительностью и как бы вписанных в нее. Как доброе, так и злое деяние властителя отражается на природе, либо нарушая ее устройство, внося раздор, либо утверждая даже среди зверей некую меру справедливости.

«Закон» в руках короля несет подданным мир (“pax”) и благополучие (“prosperitas”, “felicitas”), а вот тиран, как полный антипод “rex iustus”, искажает закон, подменяет понятие и саму его сущность, превращая в «антизакон». Если свобода (“libertas”) – необходимая для раскрытия потенциала закона «категория», то рабство – ее полная противоположность и объект, которого жаждет тиран.

Король только тогда свободен в своих действиях, когда ограничен законом; этот мнимый парадокс озвучивает Иоанн и воспроизводит чуть позже Генри Брактон [3, с. 297–307].

Размышления схоласта о “lex regis” – не столько акт отвлеченного теоретизирования, сколько рефлексия об актуальных процессах, происходивших в Англии.

Механизм укрепления королевской власти, политических и надзорных структур, запущенный Генрихом II, был связан с реформами в области законодательства, и прежде всего с преданием «общему праву» (а фактически – королевскому) центральной роли в регулировании отношений внутри социума.

Закон обязателен для исполнения, и никто – в том числе король и члены “familia regis” – не может, как бы ни хотел, встать над ним [4, р. 55–57]. Эта мысль подчеркивается в том числе в связи с событиями недавнего прошлого, когда нарушение закона стало «нормой жизни» и даже клятвопреступление не помешало узурпировать власть. Иоанн снова возвращается к периоду правления Стефана, оцениваемого им, да и большинством английских интеллектуалов, исключительно отрицательно. Однако не только король, вернее, по терминологии Солбсерийца, «тиран», продемонстрировал неуважение к законам Англии, но и духовные лица – так, к примеру, архиепископ Кентерберийский Уильям провел коронацию Стефана вопреки завету Церкви, закону и воле Генриха I, после чего получил божественное наказание – скорую смерть (Hist. Angl., р. 700). Рассуждая о разных видах тирании [5, с. 81–96] – светской и церковной, Иоанн Солсберийский выделяет их общие черты – отступление от закона, справедливости, ограничение свободы, игнорирование интересов подданных ради своекорыстных желаний – и заключает, что конец таких «нечестивых правителей» предопределен (Policrat., v. II, р. 379).

«Закон низменных желаний» (позднее “lex concupiscentiae” нашел обоснование в трудах Фомы Аквинского, и прежде всего в «Сумме теологии», см. ниже) определяет волю грешников, каждый из которых – на своем социальном уровне – демонстрирует нежелание соотносить свои поступки с общими установлениями; иными словами, Иоанн противопоставляет эгоистичное начало коллективному.

«Анархия» Стефана, по мнению Солсберийца, еще и потому была временем беззакония, что отвергала достижения римского права и посвященной ему комментаторской традиции, которые могли улучшить жизнь английского общества.

Закон только тогда усваивается королем и находит верное применение на практике, когда государя – как «законодателя» (“legis auctor”), «защитника» (“defensor”) и «толкователя» (“interpretator”) закона – окружают мудрые советники, чуждые лести. Ведь верная интерпретация закона – особое искусство, которому король может научиться лишь с помощью знания и добродетелей [6, с. 22–25]. Проникновение в суть закона уже при жизни короля дарует ему и его подданным долгожданное «счастье» (Metalog., р. 12–13) (“beatitudo”) – аристотелевское толкование этого понятия, воспроизведенное Иоанном, как бы дополняет авторские рефлексии о “lex regis” и “lex” в целом.

Мыслитель возлагает особую миссию не только на государя, но и на знатных представителей социальной общности в целом, которые своим трудом как бы дополняют то, чего не хватает «безмолвствующему большинству» (Policrat., v. II, р. 73).

Понимание трехчастного измерения обобщенного универсального закона – Божественного, естественного и человеческого (гражданского) – соединяется в интерпретации Иоанна Солсберийского также с трехчастным осмыслением

функций королевской власти, действующей в трех пространствах – сакральном, природном [7, с. 71–82] и социальном. Данное наблюдение выделяет позицию автора XII в. из общего ряда мнений, высказывавшихся в то время, и роднит его, как представляется, с суждениями другого выдающегося мыслителя – Фомы Аквинского [8, р. 187–225; 9, р. 85–106].

Знаменитый представитель «Золотого века» схоластики, как и его предшественник, живший столетием ранее, выделяет в своей фундаментальной, но незавершенной «Сумме теологии» (“*Summa theologiae*”, 1265–1274 гг.) три закона: Божественный (или высший), естественный (“*ius naturale*”) и гражданский. Объединяя в толковании аристотелевскую традицию, принципы римского права и истины христианского вероучения, Аквитан выдвигает ключевую идею, объединяющую все законы, а именно концепцию законодателя. В случае с Божественным законом законодателем выступает сам Творец, с естественным законом – природа в целом, а с гражданским – государь (“*princeps*”, “*rex*”) (СуммаТеол., с. 288). Один закон как бы дополняет другой, и происходит это по нисходящей вертикальной линии от абсолютного “*lex*” (“*lex Dei*”) через естественный закон к гражданскому. Фома подчеркивает, что не столько воля (“*voluntas*”), сколько разум (“*ratio*”) (СуммаТеол., с. 284–290) является главным двигателем во взаимоотношениях индивида и закона, понимаемого прежде всего как моральный императив (СуммаТеол., с. 284–290). Именно разум повелевает воле делать тот или иной выбор, налагает на нее пределы, сообразуясь с законом или отвергая его. Аквинат формулирует принцип «подражательности» низшего в иерархии закона высшему, в итоге, заключает мыслитель, гражданский закон стремится к абсолютной форме – Божественному закону, выбирая общее благо [10, р. 76–129] как главную цель своего действия. Счастье (“*beatitudo*”), таким образом, достигается не только за счет преодоления насилия, но и, что важнее всего, улучшения самой природы человека, искоренения изъянов его внутреннего устройства.

Роль законодателя в политико-правовой рефлексии Фомы Аквинского весьма велика: в случае с гражданским законом именно государю принадлежит прерогатива «создания» законов, их последующего провозглашения среди подданных и, отметим особо, письменной фиксации. По сути, схоласт XIII в., как и его далекий предшественник, выдвигает мысль, согласно которой именно народ во всей своей совокупности является источником закона, который на него же – то есть на народ – и ориентирован. При этом, однако, подданные уступают свою власть государю, который удостоивается права представлять их интересы, легитимно править и заниматься законотворчеством прежде всего ради общего блага.

Итак, если Божественный (или вечный) закон фактически олицетворяет Творца, знаменуя Его разум и волю, то естественный закон воплощает тварное начало; все они – трансцендентное и природное – дополняются «искусственным» изобретением человеческого ума, то есть гражданским законом, регулирующим жизнь и отношения индивидов внутри социума. Любопытно, что естественный закон [11, р. 209–244], как и гражданский, должен непременно иметь «письменную» форму, и речь в данном случае идет о его запечатленности в скрижалях че-

ловеческой души – иными словами, в свойственных ей склонностях. Все законы, налагая определенный отпечаток на волеизъявление индивида, побуждают его искать добро и избегать зла, делать моральный выбор в пользу чего-то, имеющего определяющее значение для человеческой души. В контексте этих рассуждений Аквинат выдвигает идею закона (или права), ориентированного в своем потенциальном действии на конкретного человека, вовлеченного в социальное взаимодействие с себе подобными, на достижение его сугубых интересов, – “*ius ("lex") suum*” (СуммаТеол., с. 286).

На стыке естественного и гражданского законов находится так называемый закон вожделения (“*lex concupiscentiae*”, или “*lex fomitis*” (СуммаТеол., с. 301)) – иррациональное правило, некий «первобытный инстинкт», нарушающий логику, заглушающий доводы разума и направляющий человека в противоположную от моральной сторону общественной жизни. И если индивид, не облеченный властью и оказавшийся под действием “*lex concupiscentiae*”, идет по пути нравственного разложения, то государь, обладающий высшим положением в мирской иерархии, став «рабом страстей», всех своих подданных стремится обратить в это же рабство. Так и рождается тирания, подменяющая закон «антизаконом», справедливость – ее видимостью, свободу – рабством, а естественный закон, санкционирующий природные желания по продолжению рода, самосохранению и поддержанию социальных контактов, – «законом вожделения» как искажением свойственных человеку благих устремлений.

Иными словами, Фома Аквинский поднимает вопрос о психологических предпосылках возникновения «нечестивой власти» и морально-этическом облике ее носителя. Государь, оказавшийся по собственной воле или под воздействием внешних причин (в том числе льстивых речей дурных советников) в плену у «закона вожделения», трансформируется в тирана, а его статус законодателя автоматически обновляется, в результате чего всякая законодательная инициатива, от него исходящая, обретает негативную форму. Если прежде “*lex regis*” преследовал идеалы справедливости, удовлетворяющие интересы всех подданных, то “*lex tyranni*” – утверждение анархии и недопущение мира (пусть и временного).

«Королевский закон», как подчеркивает Фома, нацелен на утверждение – путем «закона естественного» – добродетелей, без которых немислимо совершенство как человека, так и всего социального организма. Соответственно, всякая его противоположность влечет к искоренению благочестия, нарушению общественных ролей и связей, также имеющих природное начало.

* * *

При чтении трактатов Иоанна Солсберийского и Фомы Аквинского легко найти множество расхождений, но куда важнее выявить общие позиции по столь важному для развития политико-правовых представлений в Средние века вопросу, как «закон» [12, р. 1–30]. Христианские установки моральной философии двух мыслителей, их знакомство с текстами Аристотеля, а также изрядная осведомленность в римском праве позволили Иоанну и Фоме сформулировать оригинальное понимание законов – Божественного, естественного и граждан-

ского. Оба интеллектуала рассматривают закон как прежде всего моральное правило, регламентирующее жизнь человека и отвечающее задаче реализации его внутренних устремлений. Подобно тому, как естественный закон подражает Божественному, так и гражданский закон тяготеет к более идеальной – природной – форме. При этом схоласты, несколько различаясь в терминологии, тем не менее близки в толковании низменных желаний индивида как проявлений действия особого закона (или «антизакона») – “*lex concupiscentiae*”. Эти порочные страсти и определяют поступки того или иного человека, в том числе и правителя. Однако именно государю опасно впасть в крайности морального характера, ведь, единожды став рабом «закона вождения», он едва ли сможет исправиться. Следовательно, размышляют авторы, такой властитель перерождается в тирана, подчиняющего подданных и ввергающего их в рабство; тут уже не приходится и говорить об общем благе, ведь превыше всего в тираническом порядке – благо отдельно взятого лица, облеченного властью.

Конечно, и Иоанн Солсберийский, во многом заслуженно олицетворявший интеллектуальный поворот, происходивший в Западной Европе XII в., и Фома Аквинский, задавший новый вектор схоластического философствования в следующем, XIII столетии, – оба автора (на примере толкования ими закона) продемонстрировали преемственность идей и логики «политического мышления». Их рассуждения о “*lex regis*”, фигуре законодателя, соотношении Божественного, естественного и гражданского законов, о «механике» перехода короля с позиции легитимного до тиранического – все это и многое другое определило характер развития политико-правовой мысли не только в XII–XIII вв., но и в последующие столетия.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Lett. – *John of Salisbury*. The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Butler. Rev. by C.N.L. Brooke. London: Thomas Nelson and sons Ltd., 1955. 296 p.
- Policrat. – *Ioannis Saresberiensis*. Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum: 2 v. / Rec. et Prolegomenis C.C.I. Webb. New York: Arno Press, 1979. V. I. 368 p.; V. II. 511 p.
- Metalog. – *Ioannis Saresberiensis*. Metalogicon / Ed. by J.B. Hall. Auxiliata K.S.B. Keats-Rohan. Turnholti: Brepols, 1991. 209 p.
- Hist. Angl. – *Henry of Huntingdon*. Historia Anglorum / Ed. by D. Greenway. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 899 p.
- Сумма Теол. – *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Первая часть Второй части, вопросы 68–114 [Sancti Thomae Aquinatis Summa Theologiae. Pars Prima Secundae. Quaestiones 68–114] / Пер. А.В. Апполонова; под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. М.: Либроком, 2012. 688 с.

Литература

1. *Гладков А.К.* “*Aequitas servus est princeps*”: античные правовые категории в английской политической мысли XII в. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 1. С. 9–16. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-1-9-16>.

2. *Гладков А.К.* “Neque declinet in partem dextram vel sinistram”: дуализм власти в английской политической мысли XII в. // *Вопр. истории.* 2020. № 12 (3). С. 182–190. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi66>.
3. *Гладков А.К.* “Rex est instrumentum legis”: некоторые черты политической теории Генри Брактона // “Flores historiarum”: сборник в честь М.В. Винокуровой / Отв. ред. А.К. Гладков, П.Ю. Уваров. Сост. А.К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2024. С. 297–307.
4. *Liebeschütz H.* Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. Ser.: Studies of the Warburg Institute. V. 17. London: Warburg Inst., Univ. of London, 1950. 126 p.
5. *Гладков А.К.* «Убийство тирана не грех, но благодеяние»: представление о неправедной власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени* / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2008. Вып. 69 (3). С. 81–96.
6. *Гладков А.К.* Союз добродетелей, король-мудрец и идея политической общности в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова.* 2023. Т. 29, № 4. С. 22–25. <https://doi.org/34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>.
7. *Гладков А.К.* “Venator Dei”, Кентавр и утраченная совесть: об одном аспекте средневекового политического мышления // *Вопр. истории.* 2021. № 12 (2). С. 71–82. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi61>.
8. *Dyson R.W.* Normative Theories of Society and Government in Five Medieval Thinkers: St. Augustine, John of Salisbury, Giles of Rome, St. Thomas Aquinas, and Marsilius of Padua. Ser.: Mediaeval Studies. V. 21. Lewiston, ME: Edwin Mellen Press, 2003. 314 p.
9. *The Social and Political Ideas of Some Great Mediaeval Thinkers: A Series of Lectures Delivered at King’s College University of London* / Ed. by F.J.C. Hearnshaw. New York, NY: Henry Holt & Co, 1923. 223 p.
10. *Kempshall M.S.* The Common Good in Late Medieval Political Thought. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. x, 401 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207160.001.0001>.
11. *Dyson R.W.* Natural Law and Political Realism in History of Political Thought: 2 v. V. I. From the Sophists to Machiavelli. Ser.: Major Concepts in Politics and Political Theory. V. 25. New York, NY: Peter Lang Publ., 2005. xiv, 344 p.
12. *Bede J.* Social Theories of the Middle Ages, 1200–1500. London: Frank Cass & Co, 1968. ix, 280 p.

Поступила в редакцию 20.10.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Гладков Александр Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, 119334, Россия
E-mail: gladkov2010@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.19-28

**Interpretation of Law in the Political and Legal Thought
of Western Europe during the 12th–13th Centuries**

A.K. Gladkov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 119334 Russia

E-mail: gladkov2010@yandex.ru

Received October 20, 2024; Accepted December 10, 2024

Abstract

This article explores the views of two outstanding medieval thinkers, John of Salisbury and Thomas Aquinas, on law (its types, functions, and purpose). Their intellectual reflections were based on the theoretical political knowledge and historical context of the time and played a key role in the development of “scientia politica” during the 12th–13th centuries. Both thinkers distinguished between Divine, natural, and human (civil) laws, emphasizing their interconnectedness and interdependence within society. The obtained results show that they had a Christian worldview, where the king, guided by the three laws and the principles of justice, was destined to lead his subjects toward the “common good”, ensuring their freedom and happiness.

Keywords: law in the Middle Ages, John of Salisbury, Thomas Aquinas, political knowledge (“scientia politica”)

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Gladkov A.K. “Aequitas servus est princeps”: Antique law categories in English political thought of the 12th century. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 9–16. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-1-9-16>. (In Russian)
2. Gladkov A.K. “Neque declinet in partem dextram vel sinistram”: Duality of power in 12th century English political thought. *Voprosy Istorii*, 2020, no. 12 (3), pp. 182–190. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi66>. (In Russian)
3. Gladkov A.K. “Rex est instrumentum legis”: Some features of Henry de Bracton’s political theory. In: Gladkov A.K., Uvarov P.Yu. (Eds.) “*Flores historiarum*”: sbornik v chest’ M.V. Vinokurovoi [“Flores Historiarum”: A Collection of Articles in Honor of M.V. Vinokurova]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2024, pp. 297–307. (In Russian)
4. Liebeschütz H. *Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury*. Ser.: Studies of the Warburg Institute. Vol. 17. London, Warburg Inst., Univ. of London, 1950. 126 p.
5. Gladkov A.K. “To kill a tyrant is not only legitimate, but fair”: The idea of unjust authority in *Policraticus* by John of Salisbury. In: Uvarov P.Yu. (Ed.) *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov’ya i rannego Novogo vremeni* [The Middle Ages: Studies in Medieval and Early Modern History]. Moscow, Nauka, 2008, vol. 69 (3), pp. 81–96. (In Russian)
6. Gladkov A.K. The union of virtues, wise king and idea of political community in *Policraticus* by John of Salisbury. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni N.A. Nekrasova*, 2023, vol. 29, no. 4, pp. 22–25. <https://doi.org/34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>. (In Russian)

7. Gladkov A.K. “Venator Dei”, Centaur and the lost conscience: About one aspect of medieval political thinking. *Voprosy Istorii*, 2021, no. 12 (2), pp. 71–82. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi61>. (In Russian)
8. Dyson R.W. *Normative Theories of Society and Government in Five Medieval Thinkers: St. Augustine, John of Salisbury, Giles of Rome, St. Thomas Aquinas, and Marsilius of Padua*. Ser.: Mediaeval Studies. Vol. 21. Lewiston, ME, Edwin Mellen Press, 2003. 314 p.
9. *The Social and Political Ideas of Some Great Mediaeval Thinkers: A Series of Lectures Delivered at King's College University of London*. Hearnshaw F.J.C. (Ed.). New York, NY, Henry Holt & Co, 1923. 223 p.
10. Kempshall M.S. *The Common Good in Late Medieval Political Thought*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1999. x, 401 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207160.001.0001>.
11. Dyson R.W. *Natural Law and Political Realism in History of Political Thought*. Vol. I: From the Sophists to Machiavelli. Ser.: Major Concepts in Politics and Political Theory. Vol. 25. New York, NY, Peter Lang Publ., 2005. xiv, 344 p.
12. Bede J. *Social Theories of the Middle Ages, 1200–1500*. London, Frank Cass & Co, 1968. ix, 280 p.

Для цитирования: Гладков А.К. Толкование закона в политико-правовой мысли Западной Европы XII–XIII веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 19–28. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.19-28>.

For citation: Gladkov A.K. Interpretation of law in the political and legal thought of Western Europe during the 12th–13th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 19–28. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.19-28>. (In Russian)